

Ч. Т. Айтматов (1928 – 2008)

Подрываются ли основы?

I

Сам по себе факт весьма показательный, а с точки зрения общественного самочувствия той поры очень даже прискорбный, если не постыдный – многие годы после XX съезда, этого мужественного прорыва блокады культа личности, незаметно затем отнесенного на обочину политического забвения, а точнее сказать – молчаливо аннулированного, мы, пребывая постоянно в атмосфере благодушия и неистощимого самодовольства, призванных демонстрировать псевдостабильность в стране, не пытались думать об этом. Во всяком случае, вслух никто не размышлял – совместим ли культовый дух, приведший страну к грубейшим социально-экономическим деформациям и вытекающим из них негативным явлениям, с тем, что означали наши идеалы? Мы не принимали во внимание, отвечают ли наши лозунги действительности, насколько соотносятся сталинизм и демократия, этот неустанный зов веков? Централизованная искусственная атрибутика той эпохи никак не совмещалась с достоверной, полноценной демократией – с правами и достоинством личности, с социальной справедливостью во всем, что касается коллективов и граждан, народов и наций, с соблюдением социалистической законности, с элементарными понятиями свободы и счастья человека.

И то, что история советского общества обернулась все-таки перестройкой и гласностью, лишь подтверждает исходную потенцию ее начальных этапов: перестройка и гласность выступают как регенерация ленинской революции, как возобновление ее великих побуждений. В силу именно этого перестройка и сталинизм оказались несовместимыми, подобно огню и воде. Однако с первых дней перестройки и гласности вначале глухими намеками, а затем все более отчетливо стали раздаваться голоса, усматривающие в откровенных дискуссиях опасность: ни мало, ни много – подрыв основ социализма, утрату принципов, завоеваний эпохи... Разумеется, каждый имеет право на свое мнение. Тем более возникает необходимость поговорить на этот счет без обиняков.

Начну издали, с того, что мне близко, что познал на своем жизненном пути. Случился у меня однажды разговор с земляками (ездил в аил хоронить последнюю из сестер отца). На поминках за чашкой чая зашла речь, как водится, о разных разностях, о царях и мудрецах, в том числе и о Сталине. И тогда рассказал один из стариков интересную байку, явный анекдот дидактического характера. Якобы собрал Сталин своих близких соратников и говорит: «Вы мол, все голову ломаете, как управлять народом, чтобы все люди, сколько их есть под солнцем, все, как один, в глаза мне глядели, моргну – все бы моргнули, открою очи – все бы открыли, и чтобы был я для всех как живой бог, ибо давно сказано: царь не бог, но не меньше бога. Сейчас я и научу вас, как следует обращаться с народом». И велел принести ему курицу. Ощипал он ту курицу живьем, у всех на виду, всю как есть, до последнего перышка, что называется, до красного мяса, остался только гребешок на голове бывшей хохлатки. «А теперь смотрите», – сказал и пустил голую курицу на волю. Ей бы кинуться прочь, куда глаза глядят, но она никуда не бежит – на солнце нестерпимо от жары, а в тени ей холодно. И жметя, она, бедняжка, к

голенищам сталинских сапог. И тогда бросил ей вождь щепотку зернышек – и она за ним, куда он, туда и она, а иначе, ясное дело, пропадет курка с голоду. «Вот как надо управлять народом», – только и сказал в назидание.

Помню, наступила пауза. Была то стариковская присказка, ничего больше, но присутствующие чистосердечно восхищались небылицей, прищелкивая и цокая языками, находя для себя, должно быть, какие-то удивительные аналогии – вот ведь какие дела бывают на свете... И каким дальновидным оказался Сталин! Это надо же такое придумать, вот это был всем падишхам шах, ничего не скажешь, а с курицей у него здорово получилось...

Один из собеседников в том кругу, однако, обронил фразу, с чего и завязался дальше разговор, далеко не анекдотичный. «Все это верно, пусть и сказка, – промолвил он, покачивая головой. – С того и начали раскулачивать нас, отцов ваших, чтобы походили мы на ту курицу. А иначе зачем было нам крылья ломать? Сама же Советская власть землю дала, волю дала, но только оборонили, обласкали поля, только урожаи пошли, только тяглом обзавелись, только скот оплодился, и на тебе – наказание за труды, за пот с утра до ночи. Сами себе, выходит, врагами оказались – обобрали, разорили на корню, как чужое отродье, посажали, по сибирям разогнали, а постреляли сколько? И в первую голову тех, кто был покрепче в хозяйстве. Любой, кто на кого зуб тогда имел или позарился на чужое добро, тот и шептал. И вышла тамаша (шутка): вчера был человек хозяин, а в одночасье без коня, без шубы, без крыши, без земли, без воды наполюной остался. А уж дети подались поскорей кто куда, лишь бы с глаз долой. Остальной люд в колхозы зачислили, работы там по горло, а когда по трудодню получать, уносили домой воду в решете. Прошло года два, те, кто нас кулаками назвал, сами потом в тех же лагерях загинались вместе с кулаками. Так что, уважаемые, если глядеть в корень, не столько для народа старался он, сколько для того, чтобы всех разом за горло держать, сшибать одного с другим, пусть липли бы в страхе к голенищам его сапог да чтобы каждый другого отпихивал от хозяина...»

Слово за слово, круто вскипел затем спор. Сколько горьких воспоминаний выплеснулось вдруг: кто кого сажал в те годы, кто на кого доносил, а счастья от этого так и не увидел ни на грош, кто присвоил чье-то коня, кто – кошмину, кто – ковер, самовар. А сколько добра и скота зазря погибло, и как по той причине грянул голод (это я и сам помню – год 1932-й, которого я был очевидцем). И с казахстанской стороны, объятый массовым разорением, мором и засухой, шли и шли гонимые, безземельные люди, пытавшиеся продать за кусок хлеба малых детишек и девушек: все равно им предстояло погибать в те кромешные времена, целые кладбища остались по обочинам дорог. Все вспомнилось вдруг, растревоженное случайным словом. И во всех тех напастях фигурировал он, Сталин, точно был он аильным зачинщиком-смутьяном, а не лидером величайшей революционной партии, провозгласившей целью своей счастье трудового люда.

Кончилось все это тем, что старый фронтовик, обреченный всю жизнь ходить на костылях, не стерпел, заорал от тех слов и пригрозил со слезами на глазах перебить всех костылями, если они не перестанут хаять великого человека, с именем которого он шел в атаку... «А где же вы были раньше, до Хрущева? А теперь треплете языками». И в упреках своих он тоже был прав.

К чему, однако, я это? К тому, что тут – вопрос истории, который замалчивался, более того – переиначивался, оправдывался, преподносился как сплошное

торжество, осеняемое чудотворным именем, хотя на деле это было далеко не так.

Молва, говорят, не документ, и пусть не на заседании парламента, а в мужицкой среде происходил тот разговор, но за этим, хотя и простодушным, наивным представлением о сталинском вторжении в крестьянскую жизнь обнаружилось куда больше правды, чем в иных наукообразных исследованиях, рассчитанных на пожизненную ренту за подтверждение неподтверждаемого (и та рента шла и идет!). В притче о курице не заключил ли народ одну из величайших своих трагедий, один из катастрофических конфликтов, когда-либо им пережитых, губительные последствия которых дают о себе знать и по сей день?..

Попробуем вспомнить, кто и когда так сокрушался в народе-кормильце, в жизненном слое населения самых умелых и рачительных хозяев? Зачем надо было превращать колхозы – крестьянские артели – в казенные монополии со средневековыми устоями принудительного труда (заявляю это, поскольку сам с братом был в этом качестве – работали в колхозе «Джиде», ныне Манасского района, лишь для пропитания на полевых работах, отказ от выхода в поле карался дисциплинарными притеснениями). К чему это привело, общеизвестно – к отчуждению земледельца от земли, к лишению чувства причастности обобществленной собственности, к утрате личной заинтересованности в результатах производства, к неуклонному обезлюдению деревень, особенно в центральных областях России, ко все возрастающему дисбалансу между категориями, непосредственно занятыми в сфере добывания материальных благ и занятыми в разбухающем из года в год контрольно-управленческом аппарате. Старая язвительная насмешка, когда-то очень выгодная своей социальной направленностью, – об одном с сошкой и о семерых с ложкой – стала выглядеть безобидным анахронизмом. Со сталинских времен тех, кто с ложкой, тех, что бдят да указывают крестьянину, значительно прибавилось.

Но и это полбеда. Абсурдная сталинская идея фикс иметь богатое государство при бедном населении, чего никогда не было и не будет, вплоть до перестройки властвовала в умах первых лиц, включая и Никиту Сергеевича Хрущева, не устоявшего перед ее соблазном. Сейчас даже не понять, зачем надо было центральным и местным властям прилагать столько усилий, чтобы ни в коем случае не допускать, как бы на крестьянском подворье не завелась лишняя овечка или телочка – это, видите ли, нарушит принципы социализма (как оказалось, не принципы социализма, а сталинское понимание этих принципов). Изымание под видом контрактации за мизерную цену всего, что выращивали колхозники в личном хозяйстве чуть больше установленных сверху норм, урезание огородов, садов, низведение их до крохотных участков, зато с пустующими задами и садами, поросшими бурьяном, – это, как ни приглаживай, объективно было умертвлением деревни. Не случайно тем же порочным путем последовали в Китае, и опять жертвы эксперимента исчислялись миллионами человеческих жизней. Слава богу, китайское руководство смогло разобраться, что к чему, и выработать путь аграрного спасения страны через подряд, аренду, кооперацию и другие формы современного делового подхода. О китайских успехах теперь знают все. И никто там особенно не грустил по не оправдавшему себя коммунам. Думаю, что и полпотовцы, учинившие невиданный геноцид собственного народа, имели в этом смысле достаточно прозрачный пример. (Стоит вспомнить историю истребительного сталинского переселения к концу

войны чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, кавказских турок, крымских татар, курдов и других народов. До сих пор – скоро уже полвека – тянется шлейф тех бед и страданий.)

В основе всех этих пагубных явлений, порожденных сталинизмом и его восточными разновидностями, лежит крупнейшая деформация целей социализма, когда не идеи служат народам, а народы превращаются в средства утилизации этих идей, как дрова для огня. В какие дремучие времена впервые совершился этот безнравственный прецедент – для достижения цели использовать любые средства? Во все века человечество страдало и страдает от такого зла. Благодаря Сталину и социализм не избежал, к сожалению, этой участи...

Но вернемся к колхозам. Если они все же состоялись как социалистические аграрные хозяйства, то произошло это вопреки сталинскому произволу, ибо люди, поставленные даже в такие беспричинно суровые условия, пытаются выжить, приспособиться, продолжить свой род, а это можно достичь только через труд. Правда, даже такой ценой, несмотря на титанические усилия и борьбу, колхозы так и не смогли стать образцами передового сельского хозяйства. Производительность труда, урожайность полей и продуктивность животноводства в наших колхозах и совхозах никак не могут идти в сравнение с показателями высокоразвитых стран. Не потому ли, располагая обширнейшими земельно-водными ресурсами на планете и как бы вопреки этому, наша страна не в состоянии обеспечить себя хлебом и покупает его за тридевять земель, в частности в Америке, Канаде? Трудно сказать, как бы мы вообще сводили концы с концами, не имея на продажу газ, нефть, золото, лес, хотя это в свою очередь свидетельствует об экстенсивном, расточительном, дедовском состоянии отечественного экспорта.

Сталинский произвол поразил потенциальные возможности колхозов и совхозов настолько глубоко и долговременно, а сельский труженик настолько безнадежно был лишен инициативы и самостоятельности и подавлен как самостоятельная личность, что это оказалось для нас, для нашей страны проблемой номер один. Многие из нас не упустят красивого случая горделиво напомнить себе и другим, что мы – страна космических открытий. Верно, это так. Но что космические проблемы по сравнению с проблемами хлеба насущного? Непостижимый парадокс! К слову сказать, и космос, и все индустрии, и все науки – исторически на плечах сельского труженика. А какова обратная связь? Что даем взамен – каков наш научный, интеллектуальный, технический ответ? Способствуем ли мы социальным, демократическим совершенствованиям в деревне? Не эгоистичны мы в этом смысле и не лицемерны ли? Сколько было словесных фейерверков вокруг «расцвета» колхозной державы, но село как было, так и осталось многострадальным и в массе своей бедным. А оно ведь – коренная основа общества. Не подняв деревню, задавленную и задерганную еще при Сталине и его последователях, на реалистическую, сугубо точную экономическую высоту, говоря попросту, на высоту трезвого расчета, мы не сможем решить все другое, весь взаимосвязанный объем современных экономических задач. Открыть новую, ясную, справедливую экономическую перспективу для колхозов и совхозов на путях перестройки – это значит спасти сельское хозяйство страны, избавить деревню от сталинского наследия.

Разве не стоит для этого честно осмыслить прошлое и настоящее с позиций гласности? Избавиться от вериг прошлого вовсе не означает подрыва

социализма, «отхода от принципов» и прочего, как пытаются это изобразить люди, все еще находящиеся под «обаянием» сталинского культа. Неужто и теперь, оправдывая злодеяния по отношению к крестьянству, интеллигенции, партийным и военным кадрам, ко всему, что в обществе понесло невосполнимый урон в 30–40–50-е годы, мы будем гонять, как по цирковому кругу, все того же коня пресловутой демагогии, утверждая, что причиной тому было обострение классовой борьбы при социализме, да еще подстегивая того коня ухищренным кнутом современного цинизма?

Вспоминают опять и опять иезуитскую присказку: лес рубят, щепки летят. Хорошо, когда сами милостью судьбы не оказались тем лесом и щепками, случайно избежали участи быть расстрелянными в числе тысяч и тысяч слишком пламенных энтузиастов, поднявшихся на заре революции строить новое общество и своим рвением и честностью не угодивших имперским поползновениям властолюбивого вождя. Хорошо, когда сами не побывали в сталинских лагерях, на островах и в тундре за колючими заборами, не ходили в гное и язвах с обмороженными руками и ногами, не умирали цинговой смертью, не сходили с ума и не кончали самоубийством, оказавшись среди сотен тысяч бывших фронтовиков в лагерях Отечества после военного плена в концлагерях у врага, – это сталинская бесчеловечная лютость и вызывающее небрежение жизнями людскими карали фронтовиков смертью и каторгой за то, что судьба оказалась столь жестокой; но разве неведомо было ему, что не бывает войн без убитых, раненых и пленных? Кто мог предвидеть, кому какая выпадет доля...

Только высокомерно пренебрегая всем этим, только забыв, что и каждый из нас в ту пору (а молодые могут поставить себя на это место мысленно) вполне мог оказаться жертвой сталинского террора, можно подыскивать ему оправдания.

II

У радетелей Сталина есть несколько, как им кажется, неопровержимых аргументов. Один из них связан с индустриализацией страны в 30-е годы. Приводят в пример Днепрогэс, Магнитку как приметы «его эпохи». Эпоху творит все-таки народ, в целом, в совокупности своей, отвечая на экономические потребности времени. Более чем уверен: не будь Сталина, Днепрогэсы, Магнитки все равно появились бы – в них историческая надобность развития. Одни страны при этом вырываются вперед, своевременно уловив зов времени, другие догоняют, нередко они меняются местами. Не будь Сталина, Россия все равно бы не осталась на уровне 1913 года, все равно она пробивалась бы всеми силами к индустриализации. Другое дело, что Октябрь открыл новые перспективы и народ воспользовался ими. Но в полной ли мере?

Мне представляется, что измерение промышленного роста, как любого другого, надо отмечать не только и не столько по простейшей схеме – что было и что стало, не было того-то, возникло, сооружено то-то, жили плохо – стали лучше, а по более емкому историческому критерию: что представляет из себя то или иное достижение по сравнению с передовым достижением этого же ряда в других местах, в других странах? Изображать дело так, будто сооруженные при Сталине Днепрогэс и Магнитка – из ряда вон выходящие события, и не говорить о том, что такие же сооружения и даже более мощные возводились в то же время и в других странах ибо никто не сидел сложа руки, – значит преувеличивать значение достигнутого при одностороннем сопоставлении и

преуменьшать возможное, то, что могло быть, но не сбылось. Кстати, это же касается и сельского хозяйства.

Конечно, по сравнению с дореволюционной староаграрной Россией колхозы и совхозы – ступень в экономическом развитии. Кто спорит? Но если сопоставить колхозно-совхозный уровень в ракурсе современности с тем, что достигнуто в этих же сферах за тот же период (производительность труда, урожайность, агротехнология) в других высокоразвитых государствах, то все станет на свои места...

Вот о чем речь, приписывать Сталину все достижения этого периода, твердить, будто без него они не могли якобы иметь место – значит фетишизировать его имя и роль. А, как известно, фетиш – это суеверие...

Говорят, Сталин выиграл войну. Точно он играл в шахматы. И здесь та же фетишизация. Да, главнокомандующий – высшее лицо. Естественно, его роль и вклад в войне должны быть значительными, он обязан в силу своего положения квалифицированно разбираться в стратегии и тактике и прочих вопросах ведения военных действий. Это в порядке вещей. Но кто может доказать, что страна проиграла бы войну, если бы Верховным был не Сталин, а кто-то другой из военачальников? Критика Сталина не есть умаление, перечеркивание победы как таковой, победа – дело всеобщее, всенародное, а не только неусыпное бдение, пусть и гениального одного лица. И, наконец, выигранная война – не индульгенция от социальной и политической критики. И после войны надо жить, развиваться, совершенствоваться. Славить победу – хорошо, чарка славы – приятная вещь, но налаживать жизнь вслед за тем на цивилизованных началах, поднимать благосостояние народа – еще важнее. И правы те, кто считает: говоря о войне, надо прежде всего подчеркивать колоссальный дух патриотизма в советском народе, всколыхнувший страну от мала до велика и поборовший врага ценой невероятных, уму непостижимых жертв и лишений, которых, кстати, могло быть гораздо меньше, если бы Сталин действительно был непревзойденным полководцем всех времен и эпох. К этому я добавил бы еще одно – то, о чем у нас, опять же, думаю, из-за оглядки на Сталина, говорят до сих пор без особого энтузиазма. Союзническая помощь США и Англии во второй мировой войне должна ставиться нами на подобающее благодарное место. Американские летчики доставили нам по ленд-лизу только боевых самолетов 14795, не считая другой техники и продовольствия. Это была очень своевременная помощь американского народа, не стоит о ней забывать. Приписывать победу одному лицу, как божеству, делать из него помпезную, непогрешимую фигуру, каким предстает Сталин в иных фильмах, вряд ли справедливо, разумно, педагогично. Мифологизация личности при жизни, граничащая с религиозным поклонением (а так это было при нем), свидетельствует о болезни этой личности и о недостатке культуры в обществе. Ныне же мы хотим излечиться от этого «патриархально-чинопоклонного» недуга. Вот к чему должны быть направлены силы гласности.

Подчас приходится думать, сопоставлять, как быстро и мощно поднялись в своем послевоенном экономическом возрождении поверженные в прах, разрушенные дотла, демонтированные до гайки, капитулировавшие ФРГ, Япония и вышедшая из войны не в лучшем положении Финляндия, как быстро и прочно достигли они передовых высот по жизненному уровню и индустриальной культуре. А страна-победительница, вещавшая о своем невиданном расцвете под водительством Сталина даже в официальном Государственном гимне, постоянно исполнявшемся в его присутствии, так и не

смогла выбраться из все более увеличивающихся разрывов в промышленности, сельском хозяйстве и, стало быть, во всей жизни народа по сравнению с другими странами. Для объяснения и оправдания этого странного феномена находятся многочисленные доводы и причины, начиная от политических и кончая климатическими (хотя в той же Финляндии климат несколько не лучше), но факт остается фактом. Думаю, не в последнюю очередь повинен в регрессе беспросветный сталинский изоляционизм, его склонность к враждебности, отчуждению окружающего мира. Жить с соседями во вражде и угрозах – дело нехитрое, гораздо больше ума и гибкости требуется, чтобы понимать взаимодействие различных мировых структур с целью извлечения взаимных выгод.

Некоторые люди в поисках параметров величия для Сталина пытаются сравнивать его с Петром Первым. Сходство их разве что в том, что оба была самодержцами (Петр по наследству, а Сталин фактически), различие же – Петр открывал для боярской России окно в Европу, а Сталин закрывал для нас ту же Европу, освобожденную советскими солдатами от фашизма.

Долго еще эхо его насилий над народом будет отзываться в сердцах и душах советских людей зловещим гулом. Самое страшное в «его эпохе» – двойная арифметика, когда мы на виду у всего честного мира антидемократизм выдавали за высшую сталинскую демократию. Такой самообман всегда чреват трагическими последствиями.

Демократия – это искусство масс, она призвана обеспечивать свободу мысли и самовыражения каждому члену общества, не скатываясь, разумеется, до охлократии, то есть до беспорядочных выкриков из уличной толпы. Не случайно, когда мы встретились с необходимостью развития демократии в ее истинных формах, тут и подстерегли нас разногласия. И, в частности, по вопросу о Сталине. Что ж, каждый волен иметь свою точку зрения. Если человек по недостатку знаний отождествляет социализм со сталинизмом, это его беда, если же он сознательно подменяет понятия – у него всегда найдутся оппоненты, принципиально не согласные с ним. Слишком дорогой ценой пришли мы к этой истине.

И последнее. Сталина давно уже нет. Но только теперь, спустя 35 лет после его смерти, наконец-то, преодолевая синдром идолопоклонства, в прессе, на собраниях, причем во всеуслышание, и, что характерно, без прежних жалких экивоков и «дрожи в коленях», начала высказываться вся полная правда о нем. Представить страшно, насколько глубоко было парализовано наше общество сталинскими репрессиями и его авторитарным режимом!

Духовное рабство может быть и добровольным, и даже желанным, сладострастным и ревностным, как результат патриархально-угоднического культа вокруг одного лица, насаждаемого тоталитарными средствами. Когда люди долгие годы унижены, не в состоянии противостоять произволу и жестокости, исходящим из казенных пределов, они готовы боготворить само это зло, находя в том некую внутреннюю компенсацию своему бессилию и некое иллюзорное слияние с этой суперменствующей данностью, поклонение которой становится для них нормой жизни. И поэтому подчас трудно переубедить и, более того, винить апологетов сталинизма. К ним надо проявлять терпимость, как проявляется терпимость ко всякого рода религиозным пристрастиям. Только на путях демократии и гласности может развиваться полноценная культура свободно мыслящего человека.

Старшие поколения постепенно уходят с арены активной жизни. Слово теперь за молодыми. Чрезвычайно осложнившийся сегодняшний мир обращен своим ликом к гуманизму как высшему смыслу на земле, воплощая в том весь исторический опыт человечества. Иного пути нет. Я глубоко убежден, что понять и совершенствовать новый мир может только сознание, освобожденное от сталинского мышления.

Известия. 1988. 4 мая